

УДК 910.4(1-924.71):929Анэ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ КЛОД АНЭ И РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 И 1917 ГОДОВ

ПЕТРОВА Э.Б.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Среди сочинений путешественников по Крыму начала XX в. представляет исторический и литературоведческий интерес книга известного французского писателя Клода Анэ (Claude Anet; литературный псевдоним Жана Шопфера) «В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ» (Париж, 1906), в которой автор описал свой вояж, совершенный в апреле-июне 1905 г. Его пребывание в Крыму пришлось на 18-21 апреля. За это время Анэ и его спутники посетили Севастополь, Балаклаву, Бахчисарай, Ялту и Ливадию. В Ялте французский писатель встретился с Алексеем Максимовичем Горьким и его гражданской женой – актрисой Марией Федоровной Андреевой. Они беседовали о революционных событиях 1905 г., о Льве Николаевиче Толстом, его творчестве и мировоззрении. А в июле 1916 – июне 1918 г. он находился в Петербурге-Петрограде и в качестве корреспондента парижских газет «Temps» и «Le Petit Parisien» освещал события революций 1917 г. и Гражданской войны.

Ключевые слова: путешественники по Крыму начала XX в., Клод Анэ (Жан Шопфер), А.М. Горький, М.Ф. Андреева, Л.Н. Толстой, русские революции 1905 и 1917 гг.

«To Persia by car through Russia and the Caucasus» (Paris, 1906), the book of the French writer Claude Anet (literary pseudonym of Jean Schopfer) based on his travels to the Crimea in the beginning of the 20th century is of great historical and literary interest. The author described the voyage he performed in April-June of 1905 in the company of friends. Their stay in the Crimea fell on April 18th-21st. During this period the travellers visited Sevastopol, Balaklava, Bakhchisaray, Yalta and Livadia. In Yalta Claude Anet met with Maxim Gorky and his civil wife, actress M. F. Andreeva. They talked about the revolutionary events of 1905, of L. N. Tolstoy and his works and worldview. From July 1916 to June 1918 he was in St. Petersburg-Petrograd as a correspondent for the Paris newspapers «Temps» and «Le Petit Parisien» covering the events of the Revolutions of 1917 and the Civil War.

Key words: travellers in the Crimea in the beginning of the 20th century, Claude Anet (Jean Shopfer), Maxim Gorky, M.F. Andreeva, L.N. Tolstoy, Russian revolutions of 1905 and 1917.

События российских революций 1905 и 1917 гг. в свое время живо обсуждались и поныне остаются актуальной темой в зарубежной научной литературе и прессе. Среди тех европейцев, которым в эти годы довелось побывать в России и описать увиденное – известный французский писатель, журналист и путешественник Клод Анэ. Аккредитованный при Временном правительстве в качестве корреспондента двух парижских газет («Temps», «Le Petit Parisien»), он в июле 1916 – июне 1918 г. освещал события российских революций и Гражданской войны. Но деятельность француза в Петрограде вызвала подозрение большевиков. В записке, которую Анэ отправил в Париж 2 мая 1918 г. и опубликованной в «Le Petit Parisien», говорится, что в четыре часа утра в его квартире провели обыск, изъяли все записки, телеграммы, статьи и личную переписку, его арестовали, поместив в «небольшую зловонную камеру, где в отсутствие свежего воздуха томились около сорока заключенных: бандиты, фальшивомонетчики, спекулянты и лица, заподозренные в контрреволюционной деятельности». Впрочем, в тот же день после беседы с комиссаром Моисеем Соломоновичем Урицким его отпустили. Анэ рассказывает: «Он за-

дал мне вопросы о моих русских и французских друзьях, составил протокол допроса... Наша беседа с Урицким протекала в очень спокойной и доброжелательной атмосфере... мы обсудили текущую политическую обстановку и взвесили шансы оппозиционных партий на успех. Урицкий считал эти шансы нулевыми. Покидая его кабинет, я выразил надежду на то, что мы еще раз встретимся с ним, когда оба будем более... свободными» (пер. Г. И. Беднарчика) [16]. В июне 1918 г. французский корреспондент Клод Анэ навсегда покинул Россию.

Главным произведением Анэ о России стала четырехтомная «Русская революция»¹, опубликованная в Париже в 1917–1919 гг. [15]. Это собрание главным образом его корреспонденций, отправленных из Петрограда в столицу Франции. В 1920 г. в газете «Таврический голос» на это сочинение была опубликована рецензия известного крымского историка, профессора Таврического университета Георгия Владимировича Вернадского [4; 5]. Рецензент отмечает, что на Западе мало знают о жизни в России, так как не стремятся о ней знать, между тем корреспонденции Клода Анэ «легко и талантливо написаны и, в общем, дают правдивую и яркую картину русской смуты», «Анэ хорошо осведомлен и за немногими исключениями сравнительно хорошо умеет разбираться в явлениях русской действительности» [5, с. 131–132]. Все, что происходило в России на глазах Клода Анэ, пишет Вернадский, не могло не вызывать ужаса у французского писателя, особенно большевистский режим. Тем не менее Анэ верит в то, что Россия «сумеет извлечь для себя урок из ужасного своего испытания. В этом юном народе заложены несчетные силы; в этой “широкой натуре” есть источники, кажущиеся неиссякаемыми. Мучениями приведенная от слов к действительности, Россия примет за ежедневные суровые задачи, исполнение которых одно только поможет ей возобновить свое шествие к великому будущему, которого желают ей все ее друзья» [цит. Клода Анэ по: 5, с. 134–135].

В жизни и творчестве Клода Анэ Россия занимала значительное место. И именно он, уже побывавший на юге России (в частности в Крыму) в 1905 г., оказался в Петербурге-Петрограде во время Первой мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны. Судьба России была ему безразлична, а под ее друзьями он, конечно, разумеет и себя самого.

Клод Анэ (Claude Anet; 28 мая 1868, Морж (Швейцария) – 9 января 1931, Париж) – литературный псевдоним Жана Шопфера (Jean Schorfer). Плодовитый писатель, любитель путешествий, успешный спортсмен (чемпион Франции по теннису 1892 г.). Его приключенческими (включая исторические) и любовными романами зачитывалась вся Франция – и не только. По его книгам снимались фильмы с участием выдающихся актеров. Дважды, например, экранизировался роман «Майерлинг» (1929 г.). В своем художественном творчестве Анэ обращался и к сюжетам из русской жизни – это роман «Арина» (1919 г.), книга «Любовь в России» (1930 г.).

Для нас представляет особый интерес сочинение Клода Анэ «В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ», увидевшее свет в Париже в 1906 г. [14]. В нем содержится заметка о четырехдневном – 18–21 апреля 1905 г. – посещении Крыма французским писателем и его друзьями. Ни вся книга, ни рассказ о Крыме в ней ранее не публиковались в русском переводе и, насколько мне известно, не фигурировали в научной литературе. Между тем в этом сочинении есть то, что делает лаконичное повествование автора о пребывании на полуострове весьма ценным для историков и литературоведов. Во-первых, нужно отдать должное литературному таланту автора, его сочинение читается как увлекательный приключенческий роман (по тем временам поездка на автомобиле на столь большое расстояние выглядит настоящей авантюрой). Во-вторых, содержащийся в нем рассказ о Крыме оригинален, он не похож на описания Крыма, содержащиеся в записках путешественников XIX – начала XX вв. В особенности ценен для нас пассаж о пребывании французского писателя на ялтинской даче у Алексея Максимовича Горького.

В 1905 г. 37-летний Клод Анэ отправился в большой вояж на автомобиле из Бухареста в далекую Персию. Он и его спутники первыми в Европе осуществили вояж такого

¹ Именно именно такой перевод названия труда Клода Анэ утвердился в отечественной историографии (прим. ред.).

рода – поездку малокомфортабельную и небезопасную. Автомобиль как вид транспорта, рассчитанный на далекие расстояния, по тем временам был еще недостаточно освоенным. Ехали, правда, не только на автомобилях, но именно им отводилась главная роль. Да и обстановка в России, через южные области которой проезжали путешественники, была весьма напряженной.

Вояж необходимо было хорошо продумать и тщательно подготовить (на сборы ушло три месяца), а его участники должны были быть людьми, не побоявшимися осуществить столь рискованное предприятие. Компания оказалась хорошо подобранной: в нее вошли бесстрашные мужчины, спортсмены и любители приключений, а также выносливые представители так называемого слабого пола. Ее костяк составили хорошие знакомые Клода Анэ – представители румынского княжеского рода Бибеску (Бибеско), тесно связанные с Францией.

Князь Георге (Георгий) Валентин Бибеску (1880–1941) – первый румынский авиатор и автолюбитель, участник автогонок, один из основателей Румынского автомобильного клуба (1901 г.). Его молодая жена – княгиня Марта Бибеску (урожд. Марта Лючия Лаховари; 1886–1973. Впоследствии она стала довольно известным писателем). Ее кузина – Мишель Шарль Ферекиди (Ферекиде). Супруг последней – Михай Ферекиди (1842–1926. Известный политический деятель, министр иностранных дел Королевства Румынии в 1885–1888 гг., министр внутренних дел Королевства Румынии в 1897–1899 и 1909–1910 гг.). Князь Эммануэль Бибеску (1874–1917. Коллекционер произведений живописи и почитатель художественного слова) был инициатором экспедиции, а в России – переводчиком для своих спутников, не знавших ни слова по-русски. Сопровождали путешественников румынский спортсмен Леон Леонида и три механика-водителя.

Запаслись оружием. Впрочем, оно не понадобилось.

Вояж, скорее всего, был предпринят не только ради развлечения, хотя Клод Анэ и уверяет читателей в том, что он и его спутники путешествовали «просто ради своего удовольствия». Наверняка предполагалось испытание возможности еще не очень широко распространенного автомобильного транспорта. Но не исключена и более веская причина, например, путники могли выполнять некую дипломатическую миссию, ведь среди участников экспедиции были небезызвестные политические деятели, а события на международной арене не отличались спокойствием.

Ехали на трех новеньких автомобилях («Мерседес с открытым верхом 1904 года выпуска, 40 лошадиных сил; Мерседес, 20 лошадиных сил; Фиат, 16 лошадиных сил, – оба 1904 года выпуска») со скоростью 30 километров в час, причем, нередко она существенно уменьшалась. Малая скорость зависела не только от технических возможностей машин, но и от состояния дорог.

Из Бухареста выехали 11 апреля 1905 г., конечным пунктом поездки был персидский город Исфahan. Дорога от Бухареста до Исфahана и пребывание в Исфahане заняли семь недель. Путь лежал через Россию и ее неотъемлемую часть – Крым. Вояж закончился в Константинополе, куда путники прибыли 19 июня 1905 г.

Маршрут путешествия был следующим. Отплыли по Дунаю из Бухареста до Измаила. От Измаила – на автомобилях по территории России: Болград – Аккерман (Белгород-Днестровский) – Татар-Бунары (Татарбунары) – Овидиополь – Одесса. Из Одессы – на пароходе в Севастополь. Далее путь лежал через Крым. По Крыму ехали на автомобилях. Путники побывали в Севастополе, Балаклаве, Бахчисарае, Ялте, Ливадии. Из Ялты отправились на Кавказ: пароходом – в Батум, поездом – в Кутаис. В Кутаисе сели на поезд, чтобы добраться до Тифлиса, оттуда – в Баку. А из Баку – в Персию: на пароходе – в Энзели, на лодке – в Пир-Базар, на лошадях – в Решт, на автомобилях – в Манджил, Казвин, Тегеран, Кум. Из Кума – на дилижансе в Исфahan. Заранее намеченный обратный маршрут пришлось изменить из-за забастовки в Батуме. Путники погрузились на французскую торговую яхту и отправились по Черному морю вдоль северного побережья Турции по направлению: Трапезунд (Трабзон) – Константинополь (Стамбул). На этом последнем пункте путешествия Клод Анэ заканчивает свое повествование.

Еще до начала вояжа наши путешественники озадачились политической ситуацией в России, где им предстояло проехать довольно большой путь: «... в России, – пишет Анэ, – произошла революция. Газеты пестрели самыми ужасными заголовками... В Одессе объявлена всеобщая забастовка... В Севастополе произошли волнения в арсеналах... На Кавказе процветает бандитизм на дорогах и погромы в городах, повсеместно – грабежи и убийства, в городах – чрезвычайное положение. В Батуме – анархия, а крестьяне Горы провозгласили республику... Стоит нам занести в маршрутный лист какой-нибудь город, как тут же там вспыхивают беспорядки. Так же случилось и с Ялтой: как только мы подумали о ней, там сразу произошли погромы» [14, р. XI].

Россия переживала свою Первую революцию. Впрочем, нельзя сказать, что наши путешественники как-то от нее пострадали. Анэ констатирует: «С тех пор как мы находимся в России, о волнениях и погромах в которой без усталости трубят в зарубежной прессе, мы еще ни разу не видели ни малейшей стычки и ни одного покушения на представителя власти». Кажется, гораздо больше неприятностей доставляли неудобства, с которыми пришлось столкнуться знающим толк в комфорте путникам, в особенности дороги. Впрочем, эта беда сглаживалась очаровательными пейзажами и великолепием крымского апреля, когда, как замечает Анэ, зеленеют луга, цветут миндаль и персики, распустились первоцветы.

В Севастополе, где «слишком шумно и по-военному строго», побывали дважды, но каждый раз совсем недолго. Через Бельбекскую долину направились в Бахчисарай, где при появлении иностранцев весь город «высыпал на улицу». Путники осмотрели ханский дворец и ханское кладбище. По дороге в Ялту сделали остановку в монастыре Св. Георгия, затем – в «сказочно-миниатюрной» Балаклаве. Проехали Байдарские ворота и прибыли в Ялту.

В Ялте Анэ и его друзья «с жадностью» ищут следы революционных беспорядков, но ничего такого не находят, хотя местные жители и рассказали им, что таковые были – и даже весьма серьезные. Между тем в Ялте Клода Анэ ожидало нечто очень для него важное: «... мы узнали, что на недалеко расположенной от нас вилле остановился на лечение Максим Горький». Не задумываясь, наш путешественник решил навестить «знаменитого писателя».

К тому времени Алексей Максимович Горький уже был хорошо известен в Европе. Его сочинения вызывали большой интерес во Франции, их переводили на французский язык, о них много спорили [см. например: 1; 2; 3]. В феврале 1905 г. во Франции возникло «Общество друзей русского народа», осудившее арест Горького, последовавший за его резко отрицательной реакцией на кровавую расправу властей с мирными демонстрантами 9 января 1905 г. Арест Горького буквально всколыхнул передовое французское общество – в прессе, на митингах звучало требование освободить русского писателя. Анэ, конечно же, обо всем этом был осведомлен и, как многие французы, сочувствовал Горькому.

Алексей Максимович Горький бывал в Крыму неоднократно. Несколько раз приезжал в 1890-х гг., ежегодно – в 1901–1905-м, затем – в 1916, 1917, 1928 гг., ежегодно – в 1933–1936 гг. Отдыхал, лечился, много и плодотворно работал, здесь у него были замечательные знакомства, встречи, беседы с близкими ему по духу людьми, среди которых писатели, деятели искусства. Близким другом, с которым Горький особенно часто виделся в Крыму, стал Антон Павлович Чехов.

В ноябре 1901 – апреле 1902 г. Максим Горький с женой Екатериной Павловной, сыном и дочкой жил на даче «Нюра» в Олеизе. Хозяин дачи – сибирский купец Иван Федорович Токмаков, поселившийся с семьей в Крыму в начале 80-х гг. XIX в. «Он купил у графа П.П. Шувалова 11 десятин земли – вытянутый от подножия Ай-Петри до моря участок» и построил на нем (по проекту ялтинского архитектора И.М. Котинкова) «двухэтажную деревянную дачу, единственным украшением которой являлись затейливые резные карнизы и наличники. Большая резная деревянная веранда располагалась с южной стороны»; на первом этаже было семь комнат, на втором – четыре (дача «Нюра» до нашего времени не сохранилась) [6, с. 6, 38; 7, с. 311, 342]. На этой даче останавливался «весь цвет российской творческой интеллигенции» [6, с. 38; 7, с. 343].

С 29 марта по 7 мая 1905 г. Алексей Максимович отдыхал и лечился в Ялте. Его сопровождала Мария Федоровна Андреева. Он познакомился с ней раньше, когда в 1899 г. в Крым (Севастополь и Ялту) на гастроли приезжал московский Художественный театр. Горького восхитила игра замечательной русской актрисы Марии Федоровны Андреевой (урожд. Юрковская), надолго ставшей его другом и гражданской женой. Горького и Андрееву сближали общие политические взгляды. В 1904 г. Мария Федоровна стала членом Российской социал-демократической партии. Образованная, знавшая многие языки, она стала для Алексея Максимовича не только женой и единомышленницей, но и первым помощником: вела его переписку, перепечатывала рукописи, делала переводы статей из зарубежных изданий, переводила сочинения Горького на европейские языки. Алексею Максимовичу доводилось принимать иностранцев, в роли переводчика выступала Мария Федоровна. Так было и тогда, когда к ним в Ялте пожаловал с визитом Клод Анэ.

Встреча и беседа Максима Горького и М.Ф. Андреевой с французским писателем состоялась 20 апреля. Мария Федоровна, замечает в своей книге Анэ, *«очень хорошо говорит по-французски... у нее нежный голос и очаровательное произношение. Горький говорит только по-русски, но благодаря посредничеству его жены между нами тремя завязывается довольно содержательная беседа»*. Для Анэ Лев Толстой и Максим Горький – *«самые великие русские писатели»* его времени. На него произвело впечатление восхищение Алексея Максимовича такими классиками французской литературы, как Флобер, Мопассан, братья Гонкуры, Анатоль Франс, Пьер Лоти, а Октав Мирбо *«потряс Горького до глубины души»*.

Максим Горький был всесторонне интересен Клоду Анэ. И Анэ обращает внимание на его *«неровные черты измученного лица», «ярко-голубые глаза, в которых читается сильная воля и решимость, глаза страдавшего человека дела, который тратит себя всего, без остатка»*, на его коренастую, стройную, гибкую фигуру, манеру слушать собеседника. Анэ передает печальный рассказ Марии Федоровны об аресте Горького вскоре после событий 9 января 1905 г. и о его пребывании в Петропавловской крепости, после чего у него начался сильный кашель – вот почему он оказался в Ялте на лечении.

Клод Анэ счел нужным как можно подробнее рассказать своим читателям во Франции, в Европе о Максиме Горьком – ведь о его биографии *«написано много лжи»*. Для Анэ очевидно, что Горький сам выбрал для себя тернистый нищенский путь странника, бродяги, познающего мир во всем его многообразии: *«...усталость на его лице красноречиво говорит о годах глубоких страданий, выпавших на долю этого человека»*.

А затем следует беседа Клода Анэ, Алексея Максимовича и Марии Федоровны о Льве Николаевиче Толстом – это, пожалуй, самая важная часть рассказа французского писателя о его встрече с Горьким в Ялте. *«Услышав имя Толстой, Горький посмотрел на меня долгим пристальным взглядом. Он испытывает безграничное восхищение перед творчеством Толстого. Это – самый великий русский писатель... их дружба была безграничной. Горький обожает Толстого-романиста»*, но при этом считает, что *«Толстой-апостол, освещающий революционные события в России, – это совсем другой человек!»*.

Мария Федоровна тут же дает пояснения: *«Толстой – аристократ... Он не знаком с жизнью простого народа, не чувствует его чаяний. Он не имеет никакого морального права выступать от имени народа и говорить то, чего сегодня Россия слышать уже не хочет... Он хочет, чтобы все человечество встало под знамена христианской морали и путем духовного очищения, а также волевого решения отказалось от применения насилия»*.

Андреева в своем пояснении отразила лишь негативное восприятие Толстого Горьким. Но отношение Алексея Максимовича к гению русской культуры было гораздо более сложным. Да, он говорил: *«По-разному с ним (с Толстым. – Э. П.) мы видели жизнь и судили по-разному»*; считал толстовскую философию непротивленчества «противонародной» [13, с. 143, 146]. И в то же время восхищался им. Наиболее близко они общались в Крыму, когда Горький жил в Олеше, а Толстой – в Гаспре.

Лев Николаевич бывал в Крыму трижды: в первый раз – с ноября 1854 по ноябрь 1855 г. (во время Крымской войны, участником которой являлся), во второй – в марте 1885 г. (сопровождал заболевшего друга князя Л.Д. Урусова), в третий – в сентябре 1901 –

июне 1902 г. В этот последний приезд он жил с семьей в Гаспре, в имении графини Софьи Владимировны Паниной (ныне санаторий «Ясная поляна»). В прошлом это поместье с роскошным дворцом принадлежало известному государственному деятелю князю Александру Николаевичу Голицыну. Дворец возводился в 1830-х гг. архитекторами графа М.С. Воронцова – Ф.Ф. Эльсоном и В. Гунтом. По стилю он напоминал Алушкинский дворец Воронцовых. Двухэтажное здание фланкировали трехъярусные восьмигранные башни с зубцами, окна стрельчатые – все в духе готики. Роскошна внутренняя отделка. Дворец окружал парк, создававшийся садовником Л. Кремером. После смерти Голицына гаспринское имение сменило несколько владельцев, а в конце XIX в. перешло в собственность графини Паниной, известной своей благотворительностью. Софья Владимировна знала, что Толстой тяжело болел, и пригласила писателя отдохнуть в свое имении, близ моря, где он и отдыхал, и работал.

Через несколько дней по приезде в Крым Максим Горький навестил Льва Николаевича в Гаспре. Они стали часто видеться, оба были этому рады. Из этих встреч и бесед родился очерк-воспоминание М. Горького «Лев Толстой». *«Эта книжка, – пишет Горький, – составилась из отрывочных заметок, которые я писал, живя в Олеше, когда Лев Николаевич жил в Гаспре, сначала – тяжело больной, потом – одолев болезнь»; «Он много раз и подолгу беседовал со мной; когда жил в Крыму, в Гаспре, я часто бывал у него, он тоже охотно посещал меня, я внимательно и любовно читал его книги... Не хуже других известно мне, что нет человека более достойного имени гения, более сложного и противоречивого и во всем прекрасного», он – «человек человечества»* [11, с. 461, 485].

Встречи и беседы с великим мастером слова, мыслителем много дали для души и творчества молодого писателя. Горький с восторгом слушал Толстого, но не со всем соглашался. И даже сделал по-пролетарски прямолинейное заявление: *«Во Льве Николаевиче есть много такого, что порою вызывало у меня чувство, близкое ненависти к нему, и опрокидывалось на душу угнетающей тяжестью»; «Он часто казался мне человеком непоколебимо – в глубине души своей – равнодушным к людям, он есть настолько выше, мощнее их, что они все кажутся ему подобными мошкам, а суета сует их – смешной и жалкой»* [11, с. 485, 486]. А революционные события начала 1905 г. позволили молодому пролетарскому писателю быть просто непочтительным по отношению к Льву Николаевичу в письме к нему [8, с. 279–280. № 151]. Толстой у Горького – человек неискренний и самовлюбленный [9]. Но когда в 1917–1918 гг. «буревестник» революции увидел обратную сторону революции, то выразил протест против *«грубейших насилий над человеком», «преступлений против личности», ратуя за то, чтобы «воспитывать в самих себе чувство безгласности к убийству, чувство отвращения к нему»* [12, с. 23, 24].

Горький неодинаково воспринимал Толстого в разные периоды своей жизни (со временем его пыл смягчился), однако всегда ценил доброе к себе отношение Льва Николаевича. (Тема «Горький и Толстой» обширна и сложна, она стала предметом исследования многих литературоведов. И сегодня в нашей непростой жизни она кажется особенно актуальной.)

Покидая своих собеседников, Анэ думал *«об этом большом человеке (о Горьком. – Э.П.), за которым стоит жаждающая справедливости многострадальная Россия».*

21 апреля путешественники прибыли в Ливадию и посетили императорский дворец в отсутствие царской семьи. В прошлом ливадийское имение принадлежало графу Льву Севериновичу Потоцкому (1789–1860), после смерти коего перешло к его дочерям и вскоре (в августе 1860 г.) было куплено у них для царской семьи Департаментом Уделов Министерства Императорского Двора. Александр II подарил Ливадию супруге – императрице Марии Александровне. Здесь появились Большой дворец Марии Александровны и Малый дворец, построенный для Александра III в бытность его наследником престола. Дворцы до нашего времени не сохранились: Большой – по причине ветхости разобрали в начале XX в. (на его месте в 1911 г. появилось замечательное произведение ялтинского архитектора Н.П. Краснова – ныне существующий белый Ливадийский дворец); Малый – сгорел в конце 1941 г.

В летней царской резиденции Клода Анэ поразили «*маленькие комнатки, простая, скромная обстановка*» дворца императора Всея Руси. «*Любой зажиточный лондонский лавочник имеет куда более шикарную виллу*», – заметил он. А еще его удивило огромное количество солдат, охранявших дворец: «*На каждом повороте аллеи дежурит целый взвод, на полянах солдаты выполняют военные упражнения*». По-видимому, наш путешественник не учел, что время было тревожное, революционное. Отсюда и солдаты, и военные упражнения.

21 апреля вечером путники погрузились в Ялте на пароход и покинули полуостров. В памяти Клода Анэ Крым остался «*одним из самых красивых уголков в мире*»...

Источники и литература.

1. Анникова Г.Г. Ранний Горький во Франции: 1900–1905 // Филологический сборник. 1976. Вып. 18. С. 128–143.
2. Быстрова Ю.М. Из истории русско-французских культурных связей в начале XX века: популярность раннего творчества М. Горького во Франции // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2007. № 1 (21). Вып. 1. С. 228–233.
3. Быстрова Ю.М. Русско-французские культурные связи в конце XIX – начале XX в.: автореф. ...канд. ист. наук. Саратов, 2010. 26 с.
4. В-ий Г. [Вернадский Г.] Французская книга о русской революции // Таврический голос. 1920. 28 января (10 февраля). № 147 (297).
5. Вернадский Г.В. Французская книга о русской революции // Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиск и находки источникововеда. Симферополь: ЧерноморПресс, 2006. С. 131–139.
6. Галиченко А.А. Олеиз. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 52 с.
7. Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 416 с.
8. Горький – Л.Н. Толстому. 5 (18) марта 1905, Эдинбург // Переписка М. Горького. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 279–283. № 151.
9. Горький – С.А. Венгерову. Июль, около 28 (август, около 10) 1908, Капри // Переписка М. Горького. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 371. № 199.
10. Горький – Е.П. Пешковой. 12 или 13 марта 1905 г., из Риги в Ялту // Горький А.М. Письма к Е.П. Пешковой: 1895–1906. (Архив А.М. Горького. Т. 5.). М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. С. 152–153. № 185.
11. Горький М. Лев Толстой // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1978. Т. 2. С. 461–506.
12. Горький М. «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М.: МСП «Интерконтакт», 1990. 192 с.
13. Шкапа И.С. Семь лет с Горьким: воспоминания. М.: Советский писатель, 1964. 384 с.
14. Anet Claude. La Perseen automobile a travers la Russie et le Caucase. Paris: Felix Juven, 1906. 313 p.
15. Anet Claude. La Revolution russe: 4 vol. Paris: Payot, 1917–1919.
16. М. Anet Claude, notre envoyé spécial à Petrograd, arrêté puis relâché (Petrograd, 2 mai) [Г<осподин> Клод Анэ, наш специальный корреспондент в Петрограде, арестован, а затем отпущен на свободу. Петроград, 2 мая] // Le Petit Parisien. Paris, 1918. 17 mai. P. 1. (Заметка опубликована под рубрикой «Большевистский произвол».)

References.

1. Annikova G.G. Ranniy Gorkiy vo Frantsii: 1900–1905 // Filologicheskiy sbornik. 1976. Vyip. 18. S. 128–143.
2. Byistrova Yu.M. Iz istorii russko-frantsuzskih kulturnyih svyazey v nachale XX veka: populyarnost rannego tvorchestva M. Gorkogo vo Frantsii // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta. 2007. № 1 (21). Vyip. 1. S. 228–233.
3. Byistrova Yu.M. Russko-frantsuzskie kulturnye svyazi v kontse XIX – nachale XX v.: avtoref. ...kand. ist. nauk. Saratov, 2010. 26 s.
4. V-iy G. [Vernadskiy G.] Frantsuzskaya kniga o russkoy revolyutsii // Tavricheskiy golos. 1920. 28 yanvarya (10 fevralya). № 147 (297).
5. Vernadskiy G.V. Frantsuzskaya kniga o russkoy revolyutsii // Filimonov S.B. Intelligentsiya v Kryimu (1917–1920): poiski i nahodki istochnikoveda. Simferopol: ChernomorPress, 2006. S. 131–139.
6. Galichenko A.A. Oleiz. Simferopol: Biznes-Inform, 2008. 52 s.
7. Galichenko A.A. Starinnyie usadbyi Kryima. Simferopol: Biznes-Inform, 2008. 416 s.
8. Gorkiy – L.N. Tolstomu. 5 (18) marta 1905, Edinburg // Perepiska M. Gorkogo. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1986. T. 1. S. 279–283. № 151.
9. Gorkiy – S.A. Vengerovu. Iyul, okolo 28 (avgust, okolo 10) 1908, Kapri // Perepiska M. Gorkogo. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1986. T. 1. S. 371. № 199.

10. Gorkiy – E.P. Peshkovoy. 12 ili 13 marta 1905 g., iz Rigi v Yaltu // Gorkiy A.M. Pisma k E.P. Peshkovoy: 1895–1906. (Arhiv A.M. Gorkogo. T. 5.). M.: Gos. izd-vo hudozhestvennoy literatury, 1955. S. 152–153. № 185.
11. Gorkiy M. Lev Tolstoy // L.N. Tolstoy v vospominaniyah sovremennikov. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1978. T. 2. S. 461–506.
12. Gorkiy M. «Nesvoevremennyye myisli» i rassuzhdeniya o revolyutsii i kulture (1917–1918 gg.). M.: MSP «Interkontakt», 1990. 192 s.
13. Shkapa I.S. Sem let s Gorkim: vospominaniya. M.: Sovetskiy pisatel, 1964. 384 s.
14. Anet Claude. La Perseen automobile a travers la Russie et le Caucase. Paris: Felix Juven, 1906. 313 r.
15. Anet Claude. La Revolution russe: 4 vol. Paris: Payot, 1917–1919.
16. M. Anet Claude, notre envoy spécial à Petrograd, arrêté puis relâché (Petrograd, 2 mai) [G<ospodin> Klod Ane, nash spetsialnyiy korrespondent v Petrograde, arestovan, a zatem otpuschen na svobodu. Petrograd, 2 maya] // Le Petit Parisien. Paris, 1918. 17 mai. R. 1. (Zametka opublikovana pod rubrikoy «Bolshevistskiy proizvol».

Петрова Э. Б. Французский писатель Клод Анэ и российские революции 1905 и 1917 годов / Петрова Э. Б. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия Б : Новая и Новейшая история. – 2018. – № XXIV (XI). – С. 11–23.

Petrova E. B. The French writer Claude Anet and Russian Revolutions of 1905 and 1917 / Petrova E. B. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series B : Modern and Contemporary History. – 2018. – № XXIV (XI). – P. 11–23.

ОБ АВТОРЕ

ПЕТРОВА

Элеонора Борисовна

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

PETROVA

Eleonora Borisovna

Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Ancient and Medieval History, Vernadsky Crimean Federal University.

КЛОД АНЭ В ПЕРСИЮ НА АВТОМОБИЛЕ ЧЕРЕЗ РОССИЮ И КАВКАЗ¹

20 апреля. Должен признаться, что не только красота города, но и недавние революционные волнения привлекли нас в Ялту. С тех пор как мы находимся в России, о волнениях и погромах в которой без усталы трубят в зарубежной прессе, мы еще ни разу не видели ни малейшей стычки и ни одного покушения на представителя власти. Ни один полицейский пока еще не пожертвовал собой ради нашего спасения.

Безусловно, каждый из нас вооружен револьвером. Кроме того, в автомобиле припасены карабин и охотничье ружье. Наши компаньонки носят на поясах маленькие острые кинжалы для защиты своих чести и достоинства. Правда, пока что эти кинжалы использовались только лишь для разрезания листов совершенно новенького экземпляра «Любви» Стендаля...² Что касается Эммануэля Бибеску, то он вооружен... пилочкой для ногтей. Надо признаться, что с самого начала путешествия наше оружие хранилось в автомобиле, так как револьвер очень тяжел для постоянного ношения. Итак, будучи в Ялте, мы с жадностью ищем следы революционных беспорядков.

– Смотрите, вон там разбитая витрина!

– А вот сгоревший дом!

– Наконец-то!

Мы ведем себя как самые кровожадные дикари. Нам рассказывают, что в течение сорока восьми часов Ялта находилась во власти бунтовщиков. Одна дама сообщила нам, что один из сожженных домов принадлежал ей. При этом ее рассказ сопровождался истерическим хохотом бедняжки.

– Наше пианино успели спасти, спустив его вниз на веревках через окно. Оно так смешно болталось в воздухе!

Дама никак не может принять серьезный вид, и меня удивляет, с какой легкостью она воспринимает свою трагедию. Один парикмахер-француз весь кипит от негодования по поводу того, что офицеры не отдали приказа солдатам стрелять в бунтовщиков...

Сегодня город выглядит абсолютно умиротворенным...

В курортной Ялте хозяйничает шумная корпорация татарских извозчиков. Их насчитывается около трехсот. Сейчас они выстроились со своими экипажами вдоль набережной. Шум неизвестных им автомобилей сильно пугает животных. Они встают на дыбы и кидаются в стороны. Настоящий хаос! Извозчики ругают нас самыми последними словами. Мы же со своей стороны терпеливо выжидаем, когда закончится поток этих непонятных нам и почему-то адресованных нашим родителям слов...

Не прошло и суток, как на имя губернатора Тавриды, брата знаменитого властного шефа санкт-петербургской полиции Трепова, валом повалили жалобы³. Нас лично посетил раздраженный начальник ялтинской поли-

¹ Anet Claude. La Perseen automobile a travers la Russie et le Caucase. Paris: Felix Juven, 1906. 313 p. Перевод с французского Г.И. Беднарчика. Комментарии и примечания Э.Б. Петровой. (Описание пребывания в Крыму – р. 36–57. Публикуемый здесь фрагмент из книги Клода Анэ – р. 46–54.)

² Произведение Стендаля (литературный псевдоним французского писателя Анри-Мари Бейля (1783–1842)) «О любви» (1822 г.) – психологическое эссе (иногда его называют трактатом).

³ Владимир Федорович Трепов (1860 (1863) – 1918) – таврический губернатор в 1902–1905 гг.; с 1905 г. – сенатор, в 1908–1911 гг. – член Государственного Совета. Его брат – Дмитрий Федорович Трепов (1855–1906) – генерал-майор (с 1900 г.), московский обер-полицеймейстер (1896–1905 гг.), в январе 1905 г. назначен

ции. Как только мы предъявили ему бумагу с печатью и подписью какого-то сановника, отношение к нам резко изменилось. Он учтиво поклонился и выразил уверенность в своей глубочайшей преданности нам.

В этот же день мы узнали, что на недалеко расположенной вилле остановился на лечение Максим Горький. Я решил навестить знаменитого писателя. Один фармацевт снабдил меня нужным адресом, и я отправился в путь.

Мой автомобиль следует по дороге в Ливадию, затем въезжает в парк под названием Чукурлар¹; здесь, в стороне от пыльной дороги хаотично разбросаны дачи, фасадами обращенные к морю. Природа тут несколько диковата, что наряду с виноградниками и цветущими фруктовыми садами придает Южному берегу Крыма какой-то особый шарм. Здесь не растут саблевидные кактусы, блестящие пальмы, колючие алоэ и уродливые араукарии, увы, так успешно прижившиеся на французском Лазурном берегу.

Крайний дом, к которому ведет извилистая аллея, представляет собой одноэтажную белоснежную виллу в итальянском стиле с террасой и плоской крышей. Стоящая у двери служанка не понимает ни одного слова по-французски. Я захожу в вестибюль. Навстречу мне выходит крепкий мужчина, одетый во все черное. Это – Максим Горький. Проводив меня в небольшой салон, он сразу же быстрым шагом удаляется в соседнюю комнату. Помещение, в котором я нахожусь, имеет высокий потолок и чисто выбеленные стены. Горький возвращается в сопровождении своей жены. Я представляюсь хозяевам, говоря им, что сюда меня привели давнее восхищение талантом писателя и живая симпатия к его семье.

Госпожа Горький² очень хорошо говорит по-французски. Она немного стесняется меня, у нее нежный голос и очаровательное произношение. Горький говорит только по-русски, но благодаря посредничеству его жены между нами тремя завязывается довольно содержательная беседа. Как только писатель узнает, что я прибыл из Парижа, где вожу знакомства со многими французскими литераторами, произведения которых очень нравятся Горькому, его лицо сразу же светлеет. Он хочет высказать свое восхищение писателями, произведения которых читал только в переводе на русский язык. Больше всех ему нравятся представители натуралистической школы, прежде всего Флобер, Мопассан, братья Гонкуры, а также наши современники: Анатоль Франс, Пьер Лоти и Октав Мирбо³. Именно Мирбо потряс Горького до глубины души. Толстой уже давно выражал свой восторг перед творчеством этого француза. Самое страстное, трагическое и болезненное в его произведениях, таких как «Голгофа» и «Дневник горничной», – это яростная сатира на современное общество⁴. Именно она завоевала сердца двух самых великих русских писателей нашего времени.

санкт-петербургским генерал-губернатором, в мае 1905 г. дополнительно к этому – товарищем министра внутренних дел, одновременно заведовал полицией и командовал отдельным корпусом жандармов.

¹ Ландшафтный парк «Чукурлар» заложен во второй половине XIX в. недалеко от Ялты, на западном берегу Ялтинского залива. (Земли здесь принадлежали представителям дворянского рода Корсаковых). Ныне это произведение садово-паркового искусства расположено в черте города Ялты, славится разнообразными видами растений, включая редкие и очень старые.

² Так Анэ называет Марию Федоровну Андрееву (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская; 1868–1953) – актрису московского Художественного театра, гражданскую жену А.М. Горького.

³ Французские писатели: Гюстав Флобер (1821–1880); Ги де Мопассан (1850–1893); братья Эдмон де Гонкур (1822–1896) и Жюль де Гонкур (1830–1870); Анатоль Франс (Франсуа Анатоль Тибо; 1844–1924); Пьер Лоти (Жюльен Вио; 1850–1923); Октав Мирбо (1848–1917).

⁴ Октав Мирбо (1848–1917) – автор романов, пьес, публицистических произведений. Его романы «Голгофа» (1886 г.) и «Дневник горничной» (1900 г.) переводились на русский язык и пользовались популярностью в России.

В то время как Горький говорит, я стараюсь хорошенько рассмотреть его. Он коренаст, строен и гибок. Одет во что-то наподобие свободно сидящей на нем черной суконной туники со стоячим воротничком и черные брюки из той же ткани, заправленные в мягкие сапоги. Носит украшенный серебром кожаный пояс. У него неровные черты измученного лица, широкие ноздри и ярко-голубые глаза, в которых читается сильная воля и решимость, глаза исстрадавшегося человека дела, который тратит себя всего, без остатка. Мощный лоб изрезан глубокими морщинами, светлые волосы зачесаны назад, на подбородке – маленькая, редкая рыжая борода.

Он наклоняется к нам, чтобы прислушаться к нашей беседе. Как только мадам Горький переводит мужу мои слова о глубокой симпатии французов к нему в этот тяжелый момент его жизни, напряжение на лице писателя спадает, взгляд смягчается, начинают блестеть глаза, а рот расплывается в счастливой, доверчивой улыбке человека большой доброты и душевной молодости.

Госпожа Горький рассказывает, как ее муж был арестован в Риге, куда он приехал к своей заболевшей жене. Не дав ему и часа передышки, его увезли в Санкт-Петербург и поместили в Петропавловскую крепость¹. Там Горького обыскали и заставили полностью раздеться. Долгое время он оставался голым в холодной камере, стоя босыми ногами на каменном полу. Именно тогда у него появился сильный кашель, лечиться от которого он и приехал в Ялту. Горький не жаловался на тюремные условия. Главной пыткой было то, что ему запрещали переписываться с больной женой. Наконец писателя временно выпустили из тюрьмы.

Его самым большим преступлением явилось то, что он со своими друзьями делал все возможное, чтобы избежать ужасной январской бойни. Накануне побоища, в пятницу и субботу, он безуспешно обивал пороги различных министерств, пытаясь образумить царских чиновников. Об этом известно всем. Затем он написал рассказ о трагических днях, а также на черновике составил воззвание². Этот-то черновик и обнаружила полиция в доме у одного из друзей писателя. Данный призыв не был кем-либо подписан, напечатан или рукописно размножен. В сущности, у следствия нет никакой законной базы для преследования. Процесс должен состояться за закрытыми дверями, но дата его, судя по сообщениям прессы, пока не определена. Все говорит о том, что никто не заинтересован в раскручивании этого дела...

Постепенно разговор заходит о биографии Горького. По этому поводу и во Франции, и в России написано много лжи. Говорят, что он родился в нищете. Неправда. Он познал нищету, самостоятельно выбрав для себя этот путь, а это совсем иное.

Горький родился в Нижнем Новгороде в небедной семье. Его дед – маляр-подрядчик на строительных работах – сам дал внуку начальное образование. Школу Максим Горький не посещал. Дед, желая, чтобы юноша пошел по его стопам, обучил парня своей профессии. Но Горький восстал, он мечтал не о малярных работах, а о путешествиях по свету. Поэтому он и сбежал. Так началась полная приключений жизнь Максима Горького. Он

¹ Осаждение М. Горьким расстрела мирной демонстрации рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. повлекло за собой арест писателя в Риге 11 января и заключение его в Петропавловскую крепость в Петербурге 12 января, где он находился в течение месяца и был выпущен только благодаря последовавшим за этим протестам в обществе. В правительственные учреждения шли письма, телеграммы. В Европе, США началось движение в защиту русского писателя.

² Воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» М. Горький написал 9 января 1905 г., обвинив в нем министра внутренних дел и Николая II «в бессмысленном убийстве многих русских граждан».

плавал юнгой на пароходе, курсировавшем по Волге, работал помощником пекаря. Познал нищету, страдания обездоленных, жил среди тех, главной заботой которых было найти кусок хлеба на пропитание; он видел тяжелую жизнь рабочих и крестьян, а также тех, кто находится на обочине жизни, «экс-человеков», как он их называл. Необходимость самому зарабатывать на жизнь, жажда перемен, желание увидеть новые края и условия жизни разных людей сделали из него странника, путешествовавшего по необъятным просторам России. Он несколько раз пересекал огромную территорию империи с севера на юг и с востока на запад, от лесистых финских берегов с затерянными озерами, березами и соснами до прекрасных и суровых Кавказских гор. Да, он был бродягой, но он этого хотел. А ведь мог стать простым маляром, как его дед. Интересная деталь: для властей он так и остался «маляром и писателем», как это записано в обвинительном акте. Говорят, что Горький был неграмотен. Ложь. Молодой человек, где бы он ни был, всегда урывками по ночам читал произведения русских и зарубежных авторов.

– В то время мой муж был очень беден, – продолжает свой рассказ госпожа Горький: у него не было денег даже для того, чтобы купить себе свечей, поэтому он собирал консервные банки из-под сардин, заполнял их тем жиром, что был у него под рукой, и вставлял туда фитиль из шерсти. Эти убогие горелки стали причиной долгой и опасной болезни, которая чуть было не лишила юношу зрения.

Таким образом, мы видим, насколько реальность далека от мифов о неграмотности Горького... Он начал писать в двадцать два года. Сегодня ему тридцать шесть лет. Всего лишь тридцать шесть! Но усталость на его лице красноречиво говорит о годах глубоких страданий, выпавших на долю этого человека.

– Да, тридцать шесть лет, – подхватывает Горький, – во Франции человек такого возраста считается еще молодым, тогда как в России...

С моих губ срывается провокационный вопрос:

– А каковы взаимоотношения между Горьким и Толстым?

Услышав имя Толстой, Горький посмотрел на меня долгим пристальным взглядом. Он испытывает безграничное восхищение перед творчеством Толстого. Это – самый великий русский писатель. Горький никогда не сможет объяснить словами, чем Толстой был для него в самые трудные периоды его жизни. Позже он сблизился с Толстым и полюбил его; их дружба была безграничной. Горький обожает Толстого-романиста. Но Толстой-апостол, освещающий революционные события в России, – это совсем другой человек! После январского побоища он отправил в газету «Таймс» письмо, содержание которого огорчило очень многих друзей Толстого¹. Горький намеревался ответить на это письмо, но, учитывая их дружбу с Толстым, не захотел подливать масла в огонь разгоревшейся в прессе кампании критики великого писателя². Кстати, Горькому это стоило очень больших усилий. Госпожа Горький объясняет феномен Толстого:

¹ Статья Л.Н. Толстого «Об общественном движении в России» появилась в английской газете «Таймс» в феврале 1905 г.

² Горький написал письмо Толстому, настойчиво называя его графом, тем самым четко обозначив разделяющую их грань: «Вы называли несвоевременной и неразумной деятельность тех людей, которым невыносимо больно видеть русский народ голодным, бесправным, подавленным тяжестью насилий над ним»; «...человек, который во дни несчастья своей страны способен заниматься самосовершенствованием своей личности, произвел бы на всех, кому дороги идеалы правды, красоты и свободы, – отвратительное впечатление бессердечного фарисея и ханжи» [16, с. 280, 282. № 151]. Однако Горький это письмо не отправил Толстому: «Написал было ругательское письмо Льву Николаевичу и едва не напечатал, но, когда его начала лягать всякая сволочь, – отложил это в сторону» [10, с. 153. № 185].

– Видите ли, – говорит мне она, – Толстой – аристократ. Он родился в среде, которая всегда управляла страной. Он не знаком с жизнью простого народа, не чувствует его чаяний. Он не имеет никакого морального права выступать от имени народа и говорить то, чего сегодня Россия слышать уже не хочет. Мой муж вышел из народа, он его хорошо знает, желает ему помочь и на практике, по-земному делает свое дело.

(В это время я почувствовал, что задел моих собеседников за живое).

Толстой борется за свою идеальную цель, которую стремится достичь какими-то мистическими средствами. Он хочет, чтобы все человечество встало под знамена христианской морали и путем духовного очищения, а также волевого решения отказалось от применения насилия. Для того, кто лицом к лицу общается с богом, не нужны такие понятия, как реальный прогресс экономического развития человечества, уважение личности, неприкосновенность частной жизни, равные права для всех, свобода совести, верховенство закона над силой, образование, доступное всем слоям общества, участие населения в решении общественных задач и т. д. А ведь Россия требует именно этого. Толстому, который не делает никакого различия между политическим и общественным строем Франции, с одной стороны, и России – с другой, Горький во весь голос заявляет: «Прежде всего мы требуем таких же свобод, как и во Франции. Вы проповедуете непотворение силе, а мы хотим конституцию и школы для всего народа!».

Между этими двумя людьми лежит целая пропасть. Горький осознает масштаб грандиозных задач, стоящих перед Россией, он видит неграмотность народных масс, страшную силу русской инертности, но вместо того, чтобы пасть духом перед этими трудностями, он наоборот считает их основной причиной для немедленных и активных действий. Ситуация в стране очень напряженная. Война унесла жизни огромного количества людей, народ обнищал¹. Возможно, этот революционный взрыв наконец-то принесет какие-то положительные результаты.

Я сказал Горькому, что надеюсь в скором времени увидеть его в добром здравии во Франции. Он ответил, что пока еще очень нужен здесь, в России. Я чувствую, как он нервничает, опасаясь потерять силы из-за своей болезни.

– Я не люблю Ялту, – говорит он, – там, на Кавказе, куда вы направляетесь, природа мощнее и красивее.

На рабочем столе жены Горького я заметил французские книги, среди которых очень любимый Горькими «Детский сад» Фрапье². Госпожа Горький постоянно держит мужа в курсе самых последних новинок французской литературы. В ее доме – повсюду цветы. Я покидаю гостеприимную семью Горьких и навсегда сохраняю в своей памяти энергичное и теплое рукопожатие известного писателя. Оборачиваясь назад, я замечаю стоящую у входа в дом рядом с крепким, волевым Горьким его хрупкую, деликатную, но очень сильную духом жену. Напротив моря, в окружении цветущих фруктовых деревьев я вижу тихую белоснежную виллу и думаю об этом большом человеке, за которым стоит жаждущая справедливости многострадальная Россия. Нет, я никогда не смогу забыть свой визит к Горькому в Чукурларский парк.

¹ Анэ говорит о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

² Леон Эжен Фрапье (1863–1947) – французский писатель, драматург, журналист. В 1904 г. его роман «Детский сад» был удостоен Гонкуровской премии – самой престижной литературной премии во Франции.